

Социальное поведение в условиях COVID-19: измерения, пол и культура

Научный дайджест № 1 (6) • 2022

Научный центр мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» создан в ноябре 2020 г. в рамках Национального проекта «Наука» как консорциум четырех организаций – лидеров в данной области научного знания: НИУ ВШЭ, РАНХиГС, МГИМО МИД России и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Создание Центра стало самой масштабной в России инициативой в области социальных и гуманитарных наук за последние десятилетия. Среди его основных задач – не только проведение исследований мирового уровня в области развития человеческого потенциала, но и налаживание кооперации с зарубежными организациями-лидерами, запуск образовательных программ, создание передовой научной инфраструктуры, обеспечение трансфера полученных результатов в практику государственного управления и образования.

Центр реализует 75 научных проектов. Программа исследований охватывает ключевые аспекты человеческого потенциала, актуальные сегодня в глобальной повестке:

социальное и гуманитарное измерение человеческого потенциала

нейрокогнитивные механизмы социального поведения

демографические и социальные факторы активного долголетия

природно-климатические детерминанты устойчивого развития

занятость, социальная активность и формирование ключевых навыков и компетенций

человеческий потенциал и безопасность в глобальном мире

человек в эпоху технологических трансформаций

Научный дайджест подготовлен в рамках проекта «Социальное поведение в условиях COVID-19: измерения, пол и культура».

Руководитель проекта: О. В. Ворон
Авторы: М. Л. Бутовская, В. Н. Буркова
Редактор: С. А. Чеканова

Введение

Пандемия коронавируса COVID-19 поставила перед человечеством новые задачи глобального масштаба. Каждый день людям приходится принимать решения в новых условиях существования, обусловленных сокращением социальной дистанции общения и значительным уменьшением «живых» контактов между людьми в целом, переходом этих контактов в онлайн-пространство. Принимаемые правительствами разных стран меры в зависимости от их характера и интенсивности привели к разным результатам. Большая ответственность в части выполнения предписаний легла на плечи населения, а эффективность принимаемых государством мер находилась в прямой зависимости от личной ответственности и сознательности граждан. В ситуации глобальной пандемии людям приходится выбирать такое поведение, которое максимально обеспечивает им безопасность.

Внимание всех ученых мира в последние два года было приковано к проблемам коронавируса, и один из центральных акцентов был сделан на особенности психологических последствий пандемии на жителей разных стран. Исследования, проведенные за 2020-2021 гг. показали что социальная изоляция, карантин, одиночество как следствие вводимых ограничений, привели к физическим и психологическим проблемам у самых разных слоев населения и популяций в целом (Brooks et al., 2020; Burkova et al., 2021; Butovskaya et al., 2021; Cao et al., 2020; Kowal et al., 2020; Mækelæ et al., 2020; van Bavel et al., 2020; Semenova et al., 2021; и т.д.). В самых разных странах ведутся исследования влияния стресса вследствие пандемии COVID-19 в надежде найти факторы, помогающие людям легче адаптироваться к новым условиям среды и менее тревожно переносить выпавшие им на долю испытания.

Наш проект – один из уникальных кросс-культурных проектов, исследующий адаптацию к новым условиям среды, на примере 23 культур, в том числе России¹. В дайджесте описаны ключевые результаты, полученные при анализе данных первой волны коронавируса (15375 участников исследования, данные собраны с мая по август 2020 года). Итоговая выборка представлена 23-мя странами. Из них: 7 стран из Европы – Беларусь, Болгария, Венгрия, Италия, Румыния, Россия, Хорватия; 11 стран из Азии: Армения, Индия, Индонезия, Ирак, Иран, Иордания, Малайзия, Пакистан, Саудовская Аравия, Таиланд, Турция; 3 страны из Америки: Бразилия, Канада, США. На кросс-культурном уровне выявлены особенности тревожного поведения с учетом таких факторов, как страна проживания, пол и возраст респондента, условия проживания, уровень дистанцированности власти, коллективистские и индивидуалистские черты страны проживания, осведомленность о предписанных правилах поведения, культурные нормы и традиции, жесткость и свобода отклонения от таких норм.

¹ Подробные результаты изложены в наших статьях:

1) Burkova, V.N.; Butovskaya, Z.M.L.; Randall, A.K.; Fedenok, J.N.; Ahmadi, K.; Alghraibeh, A.M.; Allami, F.B.M.; Alpaslan, F.S.; Al-Zu'bi, M.A.A.; Biçer, D.F.; et al. Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries. *Sustainability* 2021, 13, 4017. <https://doi.org/10.3390/su13074017>

2) Semenova, O.; Apalkova, J.; Butovskaya, M. Sex Differences in Spatial Activity and Anxiety Levels in the COVID-19 Pandemic from Evolutionary Perspective. *Sustainability* 2021, 13, 1110. <https://doi.org/10.3390/su13031110>

Для анализа психологического состояния населения в изученных странах в нашем проекте акцент был сделан на различные показатели из области культурной психологии и социальной антропологии, направленные на оценку как различий между культурами (Triandis 1995; Hofstede 2001; Fouad 2002; House et al. 2004), так и универсальных черт культуры и черт личности (Heine, Norenzayan 2006; Oyserman, Lee 2008; Gelfand et al. 2011; Gelfand, Denison 2020). Культурные нормы и ценности служат важным руководством для личной оценки факторов стресса и выбора стратегий его преодоления. Несомненно, что пандемия является стрессовым событием, которое требует осмысления новой ситуации и выбора наиболее адаптивных стратегий поведения, и изучение этого поведения в кросс-культурном аспекте исключительно актуально.

Результаты

В ходе исследования все участники отвечали на ряд вопросов относительно условий проживания в период распространения коронавируса, отношения к принимаемым мерам и собственной оценки опасности нового вируса. Для оценки уровня тревожности были использованы стандартные опросники: опросник ГТР-7 (GAD-7), описывающий симптомы тревожности и генерализованного тревожного расстройства (ГТР) на основе личных ощущений человека в течение последних 14 дней, а также опросник ситуативной тревожности Ч. Спилбергера и Ю.Л. Ханина, оценивающий тревожность как эмоциональное состояние.

Для оценки влияния культурных факторов нами использовались ряд измерений:

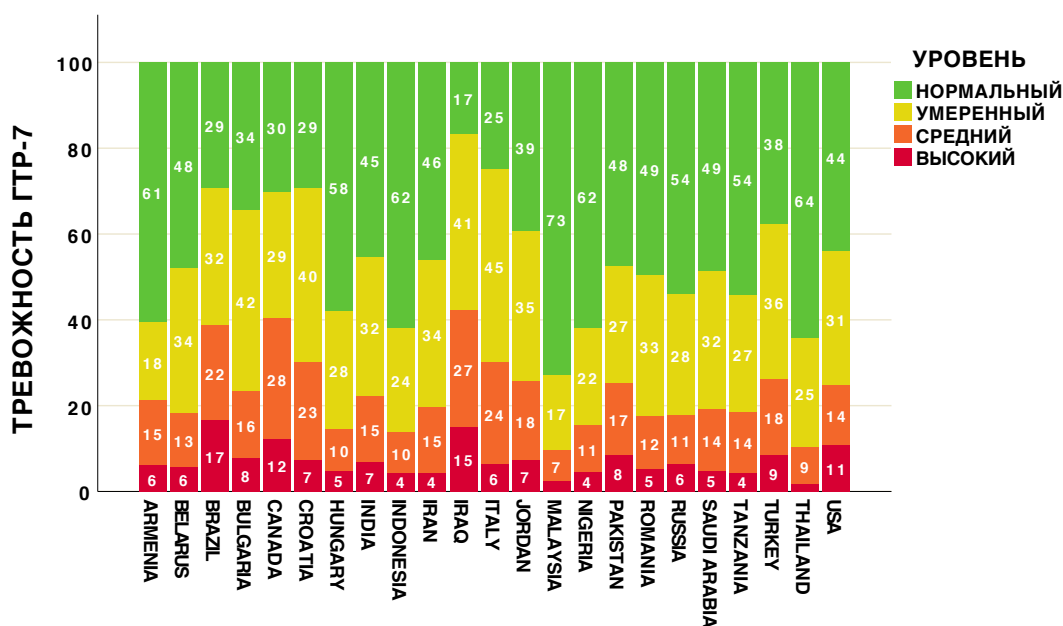
- 1) Индивидуализм/коллективизм (Hofstede 2001; House et al. 2004).
- 2) Дистанцированность власти (Hofstede 2001; House et al. 2004).
- 3) Свобода/жесткость (Gelfand et al. 2011).

Кросс-культурные различия уровня тревожности

Результаты по общей выборке по 23 странам (15375 чел.) показывают, что 7045 человек (45.84%) оценили свой уровень тревожности как нормальный, 4830 человек (31.43%) имели умеренные симптомы тревожности, 2366 (15.40%) указали на средний уровень и 1127 (7.33%) имели высокие показатели тревоги по опроснику ГТР-7. По второму показателю ситуативной тревожности цифры были следующие: 6589 человек (43.08%) – низкий уровень, 7560 (49.42%) – умеренный, 1147 (7.50%) – высокий. Таким образом, можно заключить, что в период первого пика заболеваемости уровень тревожности населения был достаточно невысок – около 7,5% всей выборки показали высокую тревожность на фоне COVID-19.

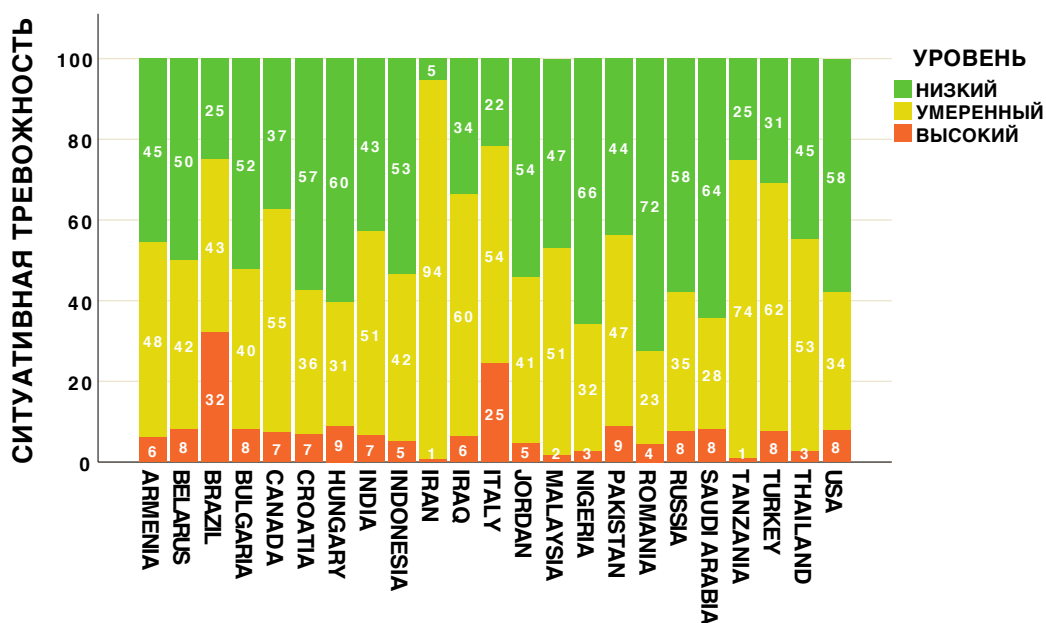
Кросс-культурные различия по странам представлены на рисунке 1. Самые высокие показатели тревоги были обнаружены в Бразилии, Ираке, Канаде, США по опроснику ГТР-7 (рис. 1). Минимальный уровень тревожности наблюдается в Таиланде и Малайзии. Россия, несмотря на высокие показатели статистической заболеваемости на момент проведения опроса, занимает средние позиции по уровню тревожности.

Рисунок 1
Показатели тревожности (ГТР-7) в 23 странах

Сходные данные отмечены и по опроснику ситуативной тревожности (рис. 2). Наиболее стрессированными странами были Бразилия и Италия, наименее – Иран, Танзания. Россия также занимает средние позиции по уровню тревожности (рис. 2).

Рисунок 2
Показатели ситуативной тревожности в 23 странах

Половые различия

Также как и во всех предыдущих работах, женщины из нашей выборки показали более высокий уровень тревожности, чем мужчины, за исключением нескольких стран (Армении, Венгрии, Иране, Ираке, Саудовской Аравии, Таиланде и США) (табл. 1). В России женщины также были более тревожны по сравнению с мужчинами. Тревожность в мужской выборке в значительной степени связана с потенциальными негативными последствиями для экономики домохозяйства.

В этом ключе важным аспектом становится охрана здоровья женщин, испытывающих повышенные психо-физиологические нагрузки в условиях стресса. В целом, и в допандемийное время женщины демонстрировали более высокие показатели тревожности, чем мужчины (Буркова и др. 2019; Feingold 1994).

Таблица 1
Половые различия уровня тревожности по странам

Страна	Опросник	Пол	Кол-во	Средние значения	t-критерий	Степень свободы	Значимость*
Armenia	ГТР-7	Муж	27	5.81	.808	31	.425
		Жен	6	4.00			
	СТ	Муж	27	30.93	.847	31	.403
		Жен	6	26.17			
Belarus	ГТР-7	Муж	143	5.10	-2.702	336	.007
		Жен	195	6.46			
	СТ	Муж	143	29.01	-3.055	336	.002
		Жен	195	32.43			
Brazil	ГТР-7	Муж	82	7.99	-.800	126	.425
		Жен	430	8.49			
	СТ	Муж	82	36.27	-2.513	510	.012
		Жен	430	39.94			
Bulgaria	ГТР-7	Муж	129	5.87	-2.821	308	.005
		Жен	193	7.32			
	СТ	Муж	129	26.18	-3.325	314	.001
		Жен	193	30.48			
Canada	ГТР-7	Муж	420	7.75	-2.209	657	.028
		Жен	239	8.71			
	СТ	Муж	382	31.03	-2.403	607	.017
		Жен	227	33.18			
Croatia	ГТР-7	Муж	71	6.44	-2.056	273	.041
		Жен	204	7.77			
	СТ	Муж	71	24.61	-3.049	273	.003
		Жен	204	29.61			
Hungary	ГТР-7	Муж	35	3.69	-1.784	231	.076
		Жен	198	5.16			
	СТ	Муж	35	24.83	-1.750	231	.081
		Жен	198	28.73			
India	ГТР-7	Муж	213	5.37	-2.822	381	.005
		Жен	170	6.79			
	СТ	Муж	213	30.23	-3.553	381	.0004
		Жен	170	33.54			

(продолжение)

Страна	Опросник	Пол	Кол-во	Средние значения	t-критерий	Степень свободы	Значимость*
Indonesia	ГТР-7	Муж	504	3.27	-7.797	828	< .001
		Жен	424	5.59			
	СТ	Муж	504	26.48	-5.617	926	< .001
		Жен	424	30.47			
Iran	ГТР-7	Муж	88	5.57	-.373	303	.710
		Жен	217	5.77			
	СТ	Муж	88	34.75	-.656	303	.513
		Жен	217	35.00			
Iraq	ГТР-7	Муж	88	8.81	-.944	171	.347
		Жен	85	9.52			
	СТ	Муж	88	31.16	-1.726	171	.086
		Жен	85	33.74			
Italy	ГТР-7	Муж	44	6.09	-2.712	250	.007
		Жен	208	7.96			
	СТ	Муж	44	35.20	-2.152	250	.032
		Жен	208	39.05			
Jordan	ГТР-7	Муж	121	4.94	-4.326	447	< .001
		Жен	328	7.13			
	СТ	Муж	121	26.43	-2.305	447	.022
		Жен	328	29.06			
Malaysia	ГТР-7	Муж	478	2.68	-3.484	1072	.001
		Жен	609	3.54			
	СТ	Муж	477	28.98	2.267	1064	.024
		Жен	609	27.57			
Nigeria	ГТР-7	Муж	214	3.98	-2.003	158	.047
		Жен	102	5.26			
	СТ	Муж	214	24.77	-.572	314	.567
		Жен	102	25.51			
Pakistan	ГТР-7	Муж	212	5.20	-3.624	482	< .001
		Жен	272	6.90			
	СТ	Муж	212	28.20	-4.282	482	< .001
		Жен	272	32.72			
Romania	ГТР-7	Муж	42	4.12	-2.138	266	.033
		Жен	226	5.79			
	СТ	Муж	42	21.45	-1.395	266	.164
		Жен	226	24.19			
Russia	ГТР-7	Муж	486	3.80	-7.951	938	< .001
		Жен	1417	5.71			
	СТ	Муж	486	25.34	-6.761	1901	< .001
		Жен	1417	29.47			
Saudi Arabia	ГТР-7	Муж	98	5.40	-.290	412	.772
		Жен	316	5.55			
	СТ	Муж	98	26.15	-.843	412	.400
		Жен	316	27.34			
Tanzania	ГТР-7	Муж	185	4.39	-2.304	339	.022
		Жен	156	5.65			
	СТ	Муж	185	32.43	-1.261	339	.208
		Жен	156	33.25			

(окончание)

Страна	Опросник	Пол	Кол-во	Средние значения	t-критерий	Степень свободы	Значимость*
Thailand	ГТР-7	Муж	49	3.33	-1.679	88	.097
		Жен	250	4.20			
	СТ	Муж	49	28.59	-1.864	297	.063
		Жен	250	31.01			
Turkey	ГТР-7	Муж	1609	5.76	-11.412	3473	< .001
		Жен	3093	7.42			
	СТ	Муж	1609	32.14	-6.836	3718	< .001
		Жен	3093	33.74			
USA	ГТР-7	Муж	189	5.85	-1.447	664	.148
		Жен	477	6.52			
	СТ	Муж	184	25.80	-1.620	643	.106
		Жен	461	27.72			
Общая выборка	ГТР-7	Муж	5527	5.10	-17.620	12056	< .001
		Жен	9815	6.55			
	СТ	Муж	5483	29.34	-13.133	11997	< .001
		Жен	9787	31.65			

* Страны, в которых половые различия показали статистическую значимость, выделены жирным шрифтом

Наше исследование на сегменте российской выборки выявило также значительную разницу между уровнем активности мужчин и женщин в условиях первой ковидной волны. Семейные мужчины характеризовались более высокой пространственной активностью по сравнению с женщинами, тогда в группе одиноких респондентов гендерные различия по уровню пространственной активности не отличались достоверно. Сравнение поведения семейных и холостых мужчин в условиях локдауна показало большую пространственную мобильность семейных мужчин в целом. Кроме того, семейные мужчины достоверно чаще женщин выходили из дома по экономическим причинам и с целью обеспечения семьи пропитанием. Мы предполагаем, что выявленная социо-пространственная специализация отражает оптимальные гендерные роли в условиях ковидной опасности. При этом, женщины в условиях эпидемии ориентированы на ведение домашнего хозяйства, и заботу о детях, а мужчины берут на себя роль добытчика. Таким образом, в условиях внешней угрозы (в данном случае, пандемии) наблюдается усиление традиционных гендерных стереотипов и гендерных ролей в семье (Semenova et al., 2021). Эти выводы соответствуют теоретическим предсказаниям сексуальной специализации и разделения семейных ролей. Схожие результаты получены авторами в недавних исследованиях (Буркова, Феденок 2020; Феденок, Буркова 2020), и подтверждаются также на мировом уровне. Интерпретируя полученные результаты, мы предположили, что механизм резкого повышения уровня тревожности у женщин в периоды глобальных экологических вызовов имеет эволюционное значение и позволяет женщинам избегать опасных контактов и меньше рисковать в условиях вирусной или иной угрозы.

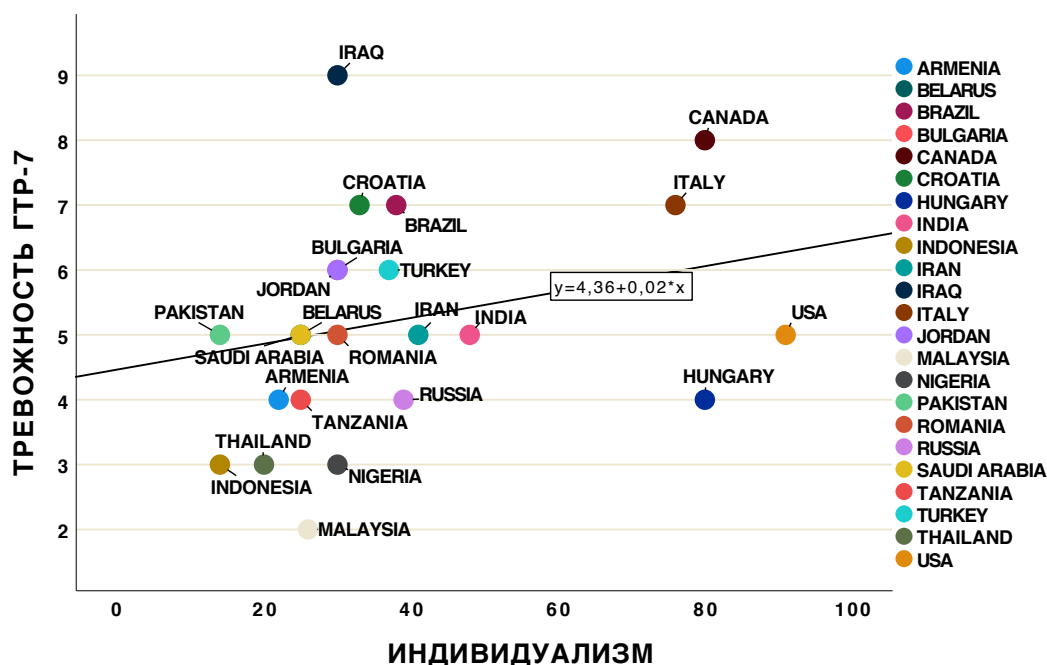
Индивидуализм – коллективизм

Первым показателем для оценки взаимосвязи тревожности и культурных измерений был выбран индекс «коллективизм-индивидуализм», предложенный Дж. Хофстедом и модифицированный другими исследователями (Hofstede 2001; House et al. 2004). Люди из коллективистских культур в значительной степени полагаются на тесные

внутригрупповые отношения, тогда как люди из индивидуалистических обществ очень независимы и испытывают сильное чувство автономии внутри группы (Hofstede 2001). «Индивидуализм означает общество, в котором связи между людьми ослаблены: каждый должен заботиться только о своей семье. Коллективизм означает общество, в котором люди от рождения и далее объединяются в сильные, сплоченные группы, которые на протяжении всей жизни людей продолжают защищать их в обмен на беспспорную лояльность» (Hofstede 2001: 225). Таким образом, коллективистские общества скорее исходят из применимости какого-либо поведения как общественного блага, тогда как индивидуалистские культуры в первую очередь ориентированы на благо одного человека. Общие индексы «коллективизм-индивидуализм» по разным странам представлены на сайте Hofstede Insights¹.

Для оценки взаимосвязи между уровнем тревожности и культурными измерениями был применен регрессионный анализ. Респонденты из стран с наивысшим рейтингом тревожности по ГТР-7 (Канада, Италия) имели самый высокий уровень индивидуализма ($\beta = 0.108$, $t = 13.510$, $p < 0.001$, $R^2 = 0.012$), тогда как наименее тревожными оказались коллективистские страны (Таиланд, Индонезия, Малайзия, Нигерия) (рис. 3). Сходные тенденции наблюдаются и по ситуативной тревожности ($\beta = 0.030$, $t = 3.653$, $p < 0.001$, $R^2 = 0.001$) (рис. 4). Согласно имеющимся исследованиям, Россия представляет собой синкретиз ценностей коллективизма, а также русского и западного типов индивидуализма (Войтенко и др., 2019). В нашем исследовании Россия также занимала промежуточное положение, чуть более тяготея к коллективистскому полюсу.

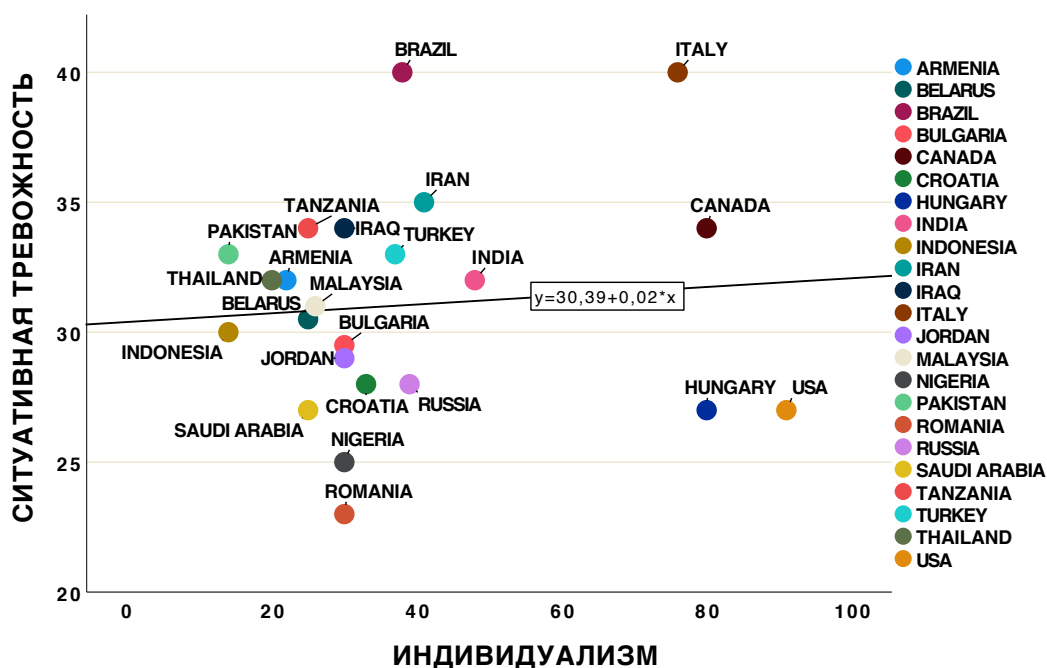
Рисунок 3
Взаимосвязь уровня тревожности (ГТР-7) и индекса индивидуализма в 23 странах

¹ <https://www.hofstede-insights.com>

Рисунок 4

Взаимосвязь уровня ситуативной тревожности и индекса индивидуализма в 23 странах

Дистанцированность власти

Следующий использованный нами индекс – дистанцированность власти (степень, с которой облечённые меньшей властью члены организаций и институционализированных групп принимают неравное распределение власти и ожидают этого неравенства) (Hofstede 2001). Россия входит в число стран с одним из самых высоких показателей в рейтинге «дистанцированность власти» (Хофстеде 2014). Общие индексы дистанцированности власти по разным странам также представлены на сайте Hofstede Insights.

Высокий уровень тревожности по ГТР-7 был характерен для респондентов, проживающих в странах с низким уровнем дистанцированности власти, в первую очередь Канаде и Италии ($\beta = -0.046$, $t = -19.616$, $p < 0.001$, $R^2 = 0.024$), за исключением Ирака¹. Сходные тенденции показаны и для ситуативной тревожности ($\beta = -0.121$, $t = -15.090$, $p < 0.001$, $R^2 = 0.015$). Наименее тревожными оказались страны с жесткой вертикалью власти, такие как Малайзия, Нигерия, Саудовская Аравия (рис. 5-6). Россия также оказалась в категории стран с высоким уровнем дистанцированности власти на фоне средних и низких оценок по тревожности.

¹ Данные по Ираку, отражающие очень высокий уровень тревожности, стоит воспринимать с большой осторожностью, поскольку они скорее отражают политическую ситуацию и по сути идущую войну, чем реакцию на коронавирус

Рисунок 5

Взаимосвязь уровня тревожности (ГТР-7) и индекса дистанцированности власти в 23 странах

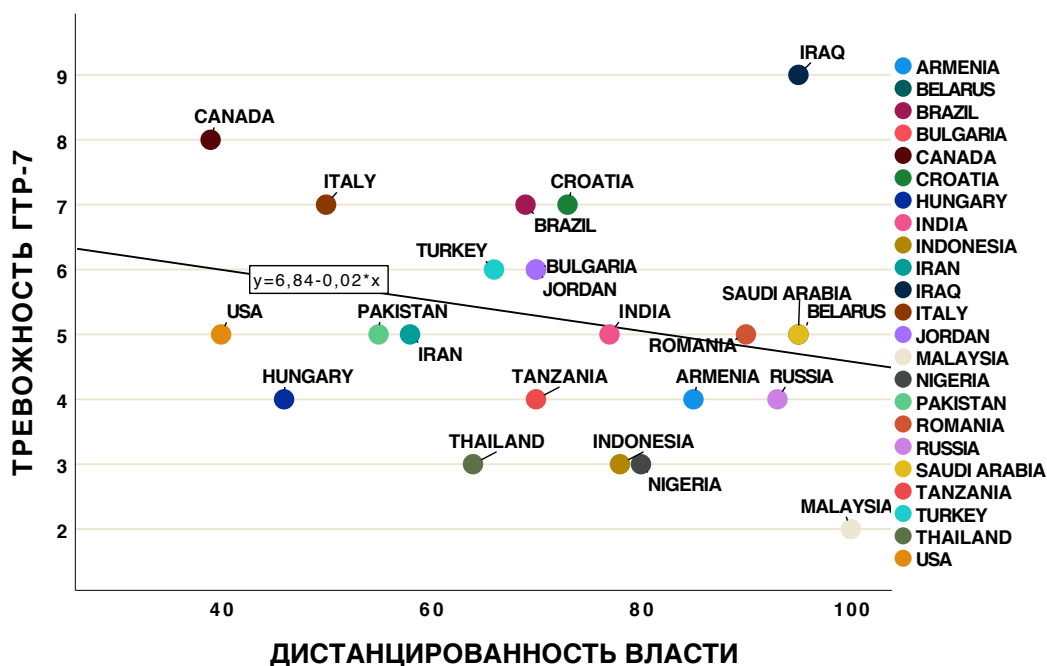
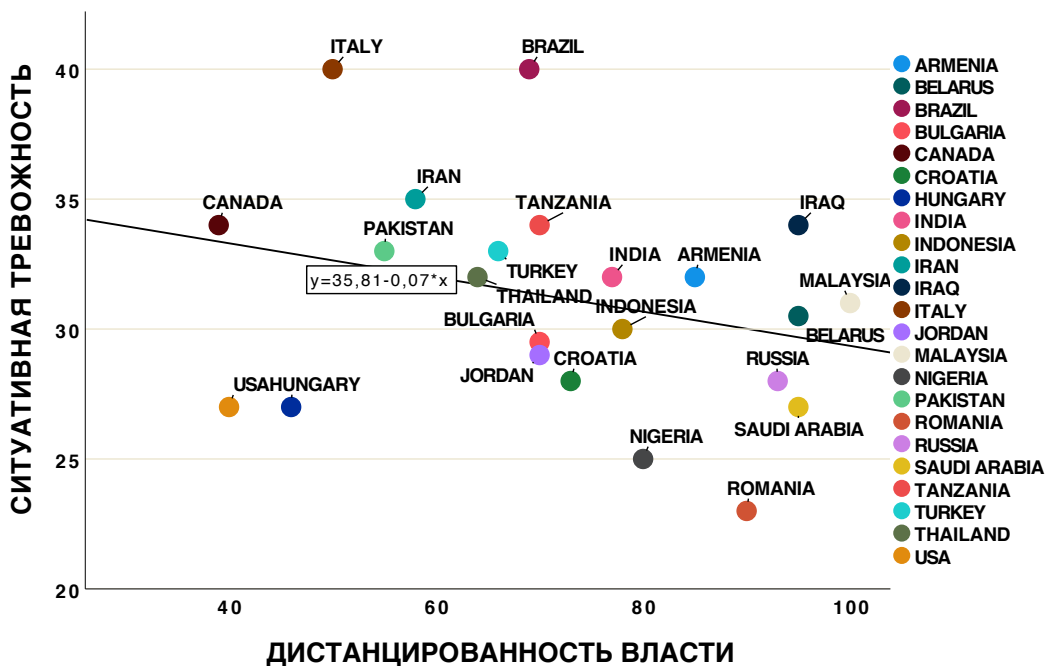

Рисунок 6

Взаимосвязь уровня ситуативной тревожности и индекса дистанцированности власти в 23 странах

Свобода-жесткость

Индикатор «свобода/жесткость»: жесткая (tight) культура оставляет мало места для личной свободы и создает сильное давление со стороны окружающих (осуждение) в случае нарушения каких-либо принятых норм и традиций, тогда как свободная (loose) культура предоставляет членам общества больше свободы выбора (Gelfand et al. 2011; Uz 2015). Общие индексы данного показателя по разным странам взяты из работы А. Уз (Uz 2015).

При анализе наших данных с использованием шкалы «жесткость-свобода» было показано, что респонденты из стран с высоким уровнем свободы (например, из Канады и Италии) сообщали о более высоких симптомах тревожности по сравнению с участниками из более жестких стран (например, Индонезия, Иордания и Нигерия), как по шкале ГТР-7 ($\beta = -0.137$, $t = -12.628$, $p < 0.001$, $R^2 = 0.019$), так и по ситуативной тревожности ($\beta = -0.066$, $t = -7.491$, $p < 0.001$, $R^2 = 0.004$) (рис. 7-8).

Рисунок 7

Взаимосвязь уровня тревожности (ГТР-7) и индекса свобода-жесткость в 23 странах

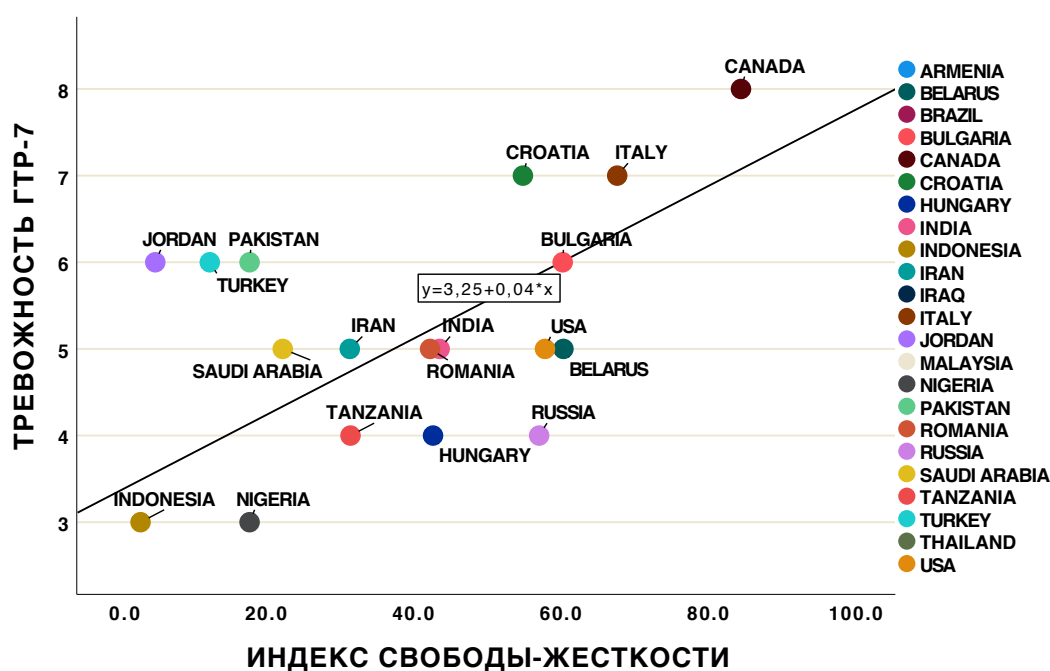
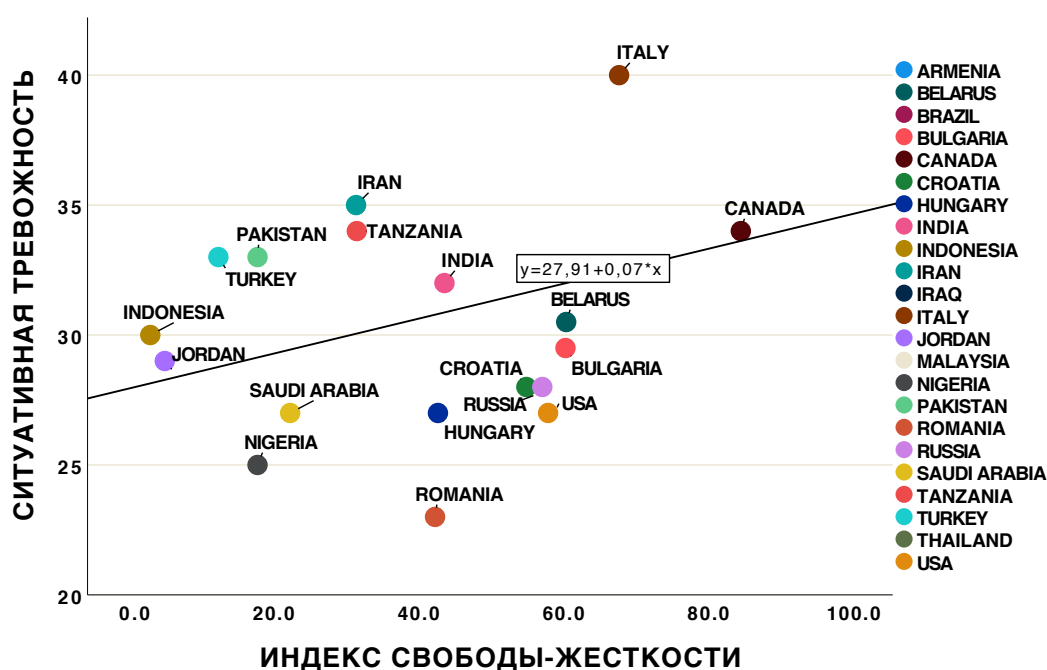

Рисунок 8

Взаимосвязь уровня ситуативной тревожности и индекса свобода-жесткость в 23 странах

Влияние возраста

В нашем опросе участники исследования отвечали на ряд вопросов, связанных с их демографическими характеристиками, например возраст. Данный параметр оказался значимым фактором, оказывающим влияние на уровень тревожности по обоим опросникам: с увеличением возраста респондентов уровень тревожности снижался у обоих полов, как и в других исследованиях (Kowal et al. 2020; Wang et al. 2020; Odriozola-Gonzalez et al. 2020). Таким образом, категорией, попавшей в максимальную зону риска оказались самые молодые участники исследования (преимущественно студенты) (рис. 9-10).

Условия проживания

В нашем опросе участники исследования отвечали на ряд вопросов, связанных с их условиями проживания. Так, один из вопросов был «Живете ли вы один или с кем-либо?» с вариантами ответом: 0 = нет живу с кем-то, 1 = да, живу один. Значимые различия наблюдались по шкале тревожности ГТР-7 – люди, которые жили с кем-то имели более высокий уровень беспокойства. Однако, надо отметить, что подавляющее большинство наших респондентов (90.8%) жили с кем-то – члены семьи, родственники, друзья. 83,4% наших респондентов считали, что COVID-19 представляет реальную угрозу для их родственников, и переживали за них гораздо больше, чем за себя лично. Мы предполагаем, что одинокие респонденты меньше подвергались стрессу из-за постоянного

Рисунок 9

Взаимосвязь уровня тревожности ГТР-7 и возраста в общей выборке

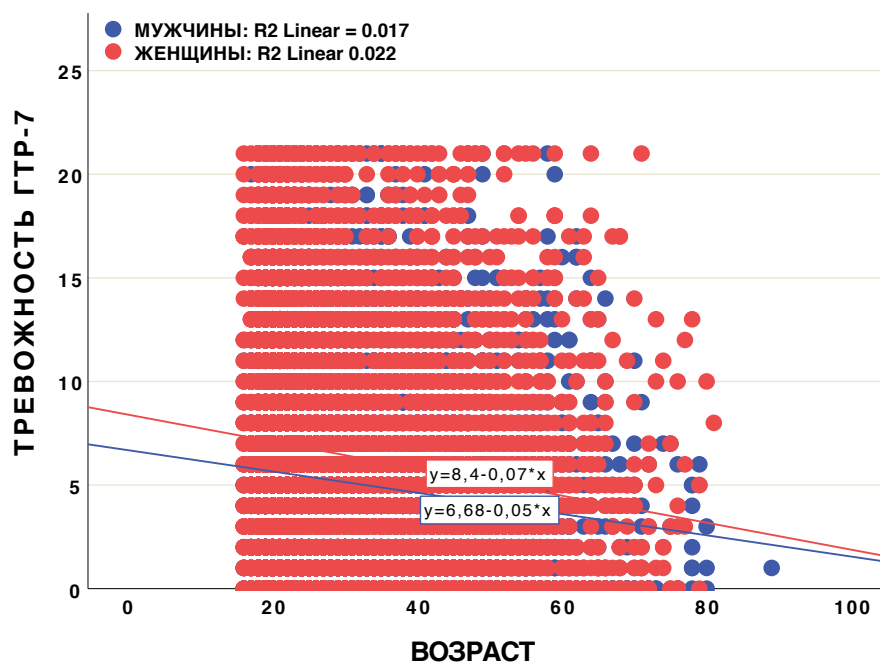
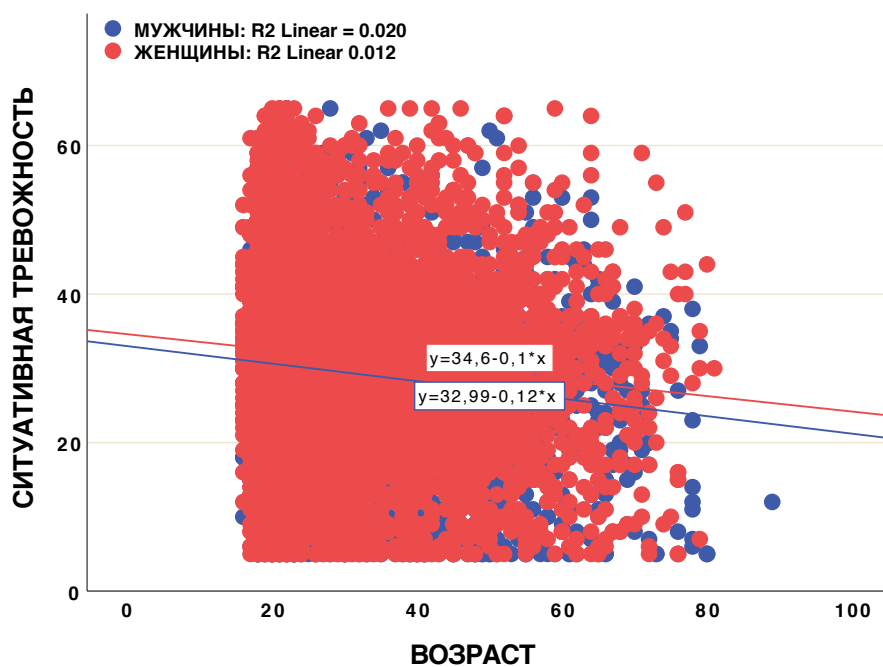

Рисунок 10

Взаимосвязь уровня ситуативной тревожности и возраста в общей выборке

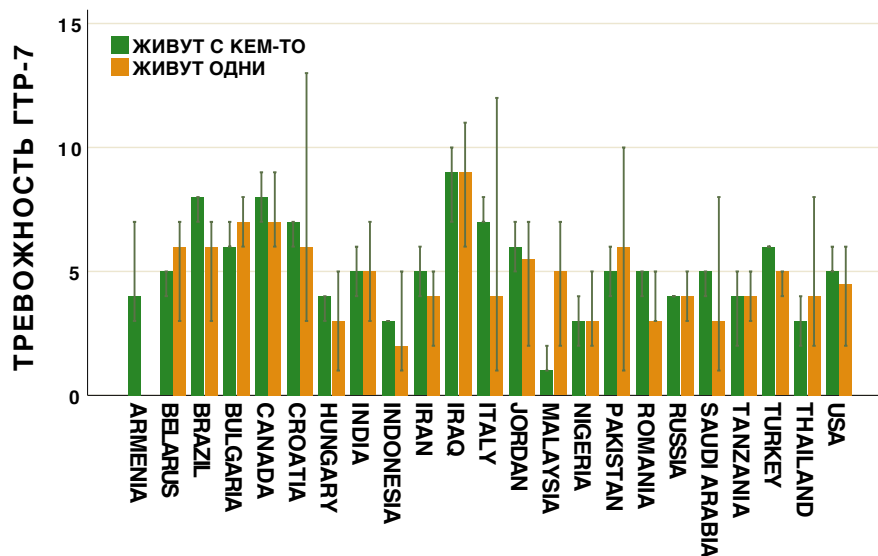

присутствия других людей и отсутствия уединения, а также из-за постоянной настороженности в отношении здоровья своих близких.

Однако, при сравнении стран между собой были отмечены и противоположные тенденции в Беларуси, Болгарии, Малайзии, Пакистане, указывающие на культурные различия – здесь одинокие люди испытывали большую тревожность (рис. 11).

Рисунок 11

Взаимосвязь уровня тревожности и условий проживания в 23 странах

Заключение

Роль культуры в жизни человечества широко изучается на протяжении десятилетий, и исследователи активно обсуждают, что культурные факторы могут действовать как буфер против факторов стресса окружающей среды или, наоборот, повышать уровень стресса (Wong, Wong 2006; Herrner 2008; Dar 2017). Нынешняя пандемия со всей очевидностью вскрыла достоинства и недостатки взаимоотношений между людьми на разных уровнях социальной интеграции, начиная от личных связей и заканчивая уровнем международного общения. Имеющиеся на данный момент кросс-культурные исследования показывают, что межкультурные различия в уровне тревожности отчетливо проявились на фоне пандемии COVID-19. Семейные и дружественные связи, наличие социальной поддержки во всех ее проявлениях, доверие к власти являются существенными факторами, снижающими общий стресс и тревожность и облегчающими психологическое состояние людей в условиях пандемии. Выявленные нами и отмеченные другими авторами культурные различия по уровню стресса тесно связаны с целым рядом культурных измерений, включая индивидуализм/коллективизм, дистанцированность власти, свобода/жесткость. Как было показано выше, эти измерения могут функционировать как защитные адаптивные механизмы, препятствующие развитию тревожных расстройств в ситуации пандемии, равно как и усугублять ее. Наше исследование может внести свой вклад в борьбу с COVID-19, данные могут быть использованы представителями государственных органов и здравоохранения для более адресного составления рекомендаций о правилах поведения во время вспышек респираторных заболеваний и мерах профилактики, представляющих серьезную угрозу населению. Кроме того, наши данные могут быть использованы СМИ для трансляции информации населению в наиболее доступной и наименее стрессогенной формах.

Список литературы

Буркова В.Н., Бутовская М. Л., Дронова Д. А., Апалькова Ю. И. (2019) Эмпатия, тревожность и агрессия у московских студентов. *Этнографическое обозрение*, с. 169-188. doi.org/10.31857/S086954150007385-3

Буркова В.Н., Феденок Ю.Н. (2020) Медицинская маска как средство индивидуальной и коллективной защиты в условиях пандемии COVID-19 (кросс-культурные аспекты). *Вестник антропологии*, 3 (51), с.74-91. 10.33876/2311-0546/2020-51-3/74-91

Войтенко В.П., Соколов В.А., Лубский Р.А. (2019). Коллективизм и индивидуализм в России как предмет теоретической рефлексии. *Философия права*, 3 (90), с. 71-77.

Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. (2020). Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: кросс-культурное исследование. *Сибирские исторические исследования*, №2, с.6-40. DOI: 10.17223/2312461X/28/1

Хофстеде Г. (2014). Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур. *Язык, коммуникация и социальная среда*. 2014, 12, с. 9-49.

Brooks, S.K., Webster, R.K., Smith, L.E., Woodland, L., Wessely, S., Greenberg, N., Rubin, G.J. (2020) The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence. *Lancet*, 395, 912-920. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8)

Burkova, V.N., Butovskaya, M.L., Randall, A.K., Fedenok, J.N., Ahmadi, K., et al. (2021). Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries. *Sustainability*, 2021, 13, 4017. <https://doi.org/10.3390/su13074017>

Butovskaya, M.L., Burkova, V.N., Randall, A.K., Donato, S., Fedenok, J.N., Hocker, L., et al. (2021) Cross-Cultural Perspectives on the Role of Empathy during COVID-19's First Wave. *Sustainability*, 13, 7431. <https://doi.org/10.3390/su13137431>

Cao, W., Fang, Z., Hou, G., Han, M., Xu, X., Dong, J., Zheng, J. (2020) The psychological impact of the COVID-19 epidemic on college students in China. *Psychiatry research*, 112934. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.112934>

Dar A.W. (2017). Cross cultural understanding of stress and coping mechanisms. *International Journal of Research in Engineering, IT and Social Sciences*, 7 (10), p. 75–80.

Feingold, A. Gender differences in personality: A meta-analysis (1994). *Psychological Bulletin*, 116(3), 429-456. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.116.3.429>

Fouad N.A. (2002). Cross-cultural differences in vocational interests: Between-groups differences on the strong interest inventory. *Journal of Counseling Psychology*, 49 (3), p. 283–289.

Gelfand M.J., Denison E.E. (2020). Moving beyond the West vs. the rest: Understanding variation within Asian groups and its societal consequences. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 117(10), p. 5100–5102.

Gelfand, M.J., Raver, J.L., Nishii, L., Leslie, L.M., Lun, J., et al., (2011). Differences between tight and loose cultures: A 33-nation study. *Science*, 332(6033), 1100-1104. <https://doi.org/10.1126/science.1197754>

- Heine S.J., Norenzayan A. (2006). Toward a psychological science for a cultural species. *Perspectives on Psychological Science*, 1 (3), p. 251–269.
- Heppner P.P. (2008). Expanding the conceptualization and measurement of applied problem solving and coping: From stages to dimensions to the almost forgotten cultural context. *American Psychologist*, 63(8), p. 805–816.
- Hofstede, G. (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- House R.J., Hanges P.J., Javidan M., Dorfman P.W., Gupta V. (Eds.). (2004). *Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. Sage Publications.
- Kowal, M., Coll-Martin, T., Ikizer, G., Rasmussen, J., Eichel, K., Studzinska, A., Ahmed, O. (2020) Who is the most stressed during the covid-19 pandemic? Data from 26 countries and areas. *Applied Psychology: Health and Well-Being*, 12, 946-966. <https://doi.org/10.1111/aphw.12234>
- Mækelæ, M.J., Reggev, N., Dutra, N., Tamayo, R.M., Silva-Sobrinho, R.A., Klevjer, K., Pfuhl, G. (2020) Perceived efficacy of COVID-19 restrictions, reactions and their impact on mental health during the early phase of the outbreak in six countries. *R. Soc. open sci.*, 7200644 <http://doi.org/10.1098/rsos.200644>
- Odrizola-Gonzalez, P., Planchuelo-Gomez, A., Irurtia-Muniz, M.J., de Luis-Garcia, R. (2020). Psychological symptoms of the outbreak of the COVID-19 crisis and confinement in the population of Spain. *PsyArXiv* <https://doi.org/10.31234/osf.io/mq4fg>.
- Oyserman D., Lee S.W. (2008). Does culture influence what and how we think? Effects of priming individualism and collectivism. *Psychological Bulletin*, 134 (2), p. 311–342.
- Semenova, O., Apalkova, J., Butovskaya, M. (2021). Sex Differences in Spatial Activity and Anxiety Levels in the COVID-19 Pandemic from Evolutionary Perspective. *Sustainability*, 13, 1110. <https://doi.org/10.3390/su13031110>
- Triandis, H.C., McCusker, C., Hui, C.H. (1990). Multimethod probes of individualism and collectivism. *Journal of Personality and Social Psychology*, 59(5), 1006–1020. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.5.1006>.
- Uz, I. (2015). The index of cultural tightness and looseness among 68 countries. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 46(3), 319-335. <https://doi.org/10.1177/0022022114563611>
- Van Bavel, J.J., Baicker, K., Boggio, P.S., Capraro, V., Cichocka, A., Cikara, M., Ellemers, N. (2020) Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic response. *Nat. Hum. Behav.*, 4, 460-471. [doi:10.1038/s41562-020-0884-z](https://doi.org/10.1038/s41562-020-0884-z).
- Wang C., Pan R., Wan X., Tan Y., Xu L., Ho C.S., Ho R.C. (2020). Immediate psychological responses and associated factors during the initial stage of the 2019 coronavirus disease (COVID-19) epidemic among the general population in China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 5 (17), p. 1729. DOI: 10.3390/ijerph17051729
- Wong P.T.P., Wong L.C.J. (Eds.). (2006). *Handbook of multicultural perspectives on stress and coping*. New York: Springer.